

УДК 81.2:338.2; 373.5.016:811.161.1'367

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

Хилханова Э. В.

**Экономика языка и многоязычие:
опыт исследования в Татарстане**

Институт языкознания Российской академии наук, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям
Б. Кисловский пер., 1/1, Москва, 125009, Россия
E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
ORCID iD: 0000-0001-9369-343X

*Статья поступила 21 апреля 2022 г.; принята 10 июня 2022 г.;
опубликована 30 июня 2022 г.*

Информация об источниках финансирования или грантах: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Аннотация. Статья носит междисциплинарный характер и написана на стыке этнографии языковой политики и экономики языка – науки, недооцененной как (социо)лингвистами, так и экономистами. Целью статьи является выявление того, влияет ли владение миноритарным языком на доход людей на примере одного из регионов Российской Федерации – Республики Татарстан. Информация собиралась в октябре 2021 года методом социолингвистического опроса, интервьюирования и этнографического наблюдения. Эмпирический анализ выявил отсутствие положительной корреляции между доходом большинства респондентов и знанием татарского языка. В то же время для трети опрошенных такая связь есть, и она имеет как положительный, так и отрицательный характер. В первом случае знание татарского языка приносит как непосредственные, так и опосредованные дивиденды, от установления деловых и личных контактов с тюркоязычным миром до возможностей трудоустройства и подработок в сферах, где необходимо владение татарским языком. Отрицательная взаимосвязь между знанием татарского языка и доходом в первую очередь обусловлена государственной языковой политикой и законодательством страны, направленными на продвижение русского языка. В целом по результатам исследования делается вывод о сохраняющейся низкой экономической ценности миноритарных языков и о различных типах аргументов в пользу выбора языка. Выбор миноритарного языка мотивируется аргументами культурного, этноидентификационного плана, выбор доминирующего языка – аргументами экономического, прагматичного плана (soft arguments vs. hard arguments). Важность денежной составляющей в принимаемых людьми языковых решениях позволяет сделать скорее пессимистичный прогноз относительно будущего миноритарных языков.

Ключевые слова: Экономика Языка; Многоязычие; Миноритарные Языки; Доход; Языковое Законодательство; Республика Татарстан

Информация для цитирования: Хилханова Э. В. Экономика языка и многоязычие: опыт исследования в Татарстане // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 52-65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

UDC 81.2:338.2; 373.5.016:811.161.1'367

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

Erzhen V. Khilkhanova | Language economy and multilingualism: the case of Tatarstan

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Research Center on Ethnic and Language Relations

1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

ORCID iD: 0000-0001-9369-343X

Received 21 April 2022; accepted 10 June 2022; published 30 June 2022

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 НННО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

Abstract. This interdisciplinary article is written at the intersection of ethnography of language policy and language economy – a science, underestimated both by (socio)linguists and economists. It aims to identify whether the competence in a minority language affects people's income taking the example of one of the regions of the Russian Federation – the Republic of Tatarstan. The data were collected in October 2021 through a sociolinguistic survey, interviewing, and ethnographic observation. The empirical analysis revealed the absence of a positive correlation between the income of the majority of respondents and their knowledge of the Tatar language. At the same time, for a third of the respondents such knowledge brings both direct and indirect benefits, from establishing business and personal contacts with the Turkic-speaking world to employment opportunities and part-time jobs in the areas where knowledge of Tatar is necessary. The negative relationship between the Tatar language proficiency and income is primarily due to the state language policy and legislation of the country aimed at promoting the Russian language. Overall, the study concludes that the economic value of minority languages remains low and that there are different types of arguments for language choice. The choice of a minority language is motivated by the importance of language for culture and ethnic identity, while the choice of a dominant language is motivated by economic and pragmatic arguments (soft arguments vs. hard arguments). The importance of the monetary component in people's language decisions allows making a rather pessimistic forecast about the future of minority languages.

Keywords: Language Economy; Multilingualism; Minority Languages; Income; Language Legislation; Republic of Tatarstan

How to cite: Khilkhanova, E. V. (2022). Language economy and multilingualism: the case of Tatarstan, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 52-65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

Введение: к постановке проблемы

Когда ученые говорят о необходимости сохранения и поддержки миноритарных языков, приводимые ими аргументы – почему это необходимо – апеллируют к общегуманитарным и культурным ценностям, т.е. важности языков для идентичности их носителей и в целом для сохранения культурно-языкового разнообразия на планете. Эти аргументы можно назвать «мягкими» (soft arguments). При этом, несмотря на меняющееся отношение людей к языковому разнообразию и миноритарным языкам, во всем мире, включая Россию, эти языки продолжают выходить из сферы коммуникации с угрожающей быстротой, межпоколенческая трансмиссия для многих языков прервана.

О причинах этих процессов написано много, и список факторов, влияющих на это, длинен. Однако общее неблагополучие и неблагоприятные перспективы миноритарных языков¹, часто упоминаемые лингвистами, явно свидетельствуют о том, что «мягким» аргументам противостоят «жесткие» – аргументы и мотивы экономического характера. Эти мотивы диктуются, в свою очередь, целым рядом факторов – от личностных установок и амбиций до глобальных причин в виде колониального наследия и сохранения языкового неравенства, тесно связанного с общим неравенством людей и стран (см. об этом также: May, 2001). Языковое неравенство, разная ценность языков на лингвистическом рынке (не только символическая, но и реальная, экономическая) – это то, что заставляет людей осознанно или неосознанно принимать решения в пользу доминирующих языков. Знание миноритарных языков таких дивидендов не дает на лингвистическом рынке (language market) в массовом масштабе².

¹ Мы не говорим сейчас о таких более успешных примерах, как баскский или каталонский языки, которых явное меньшинство в мировом масштабе.

² Под массовым масштабом имеется в виду то, что для лингвиста знание редкого языка может иметь

Исходя из вышесказанного, в этой статье мы хотели бы остановиться на одном из факторов, которому редко уделяется внимание лингвистами – *экономическом факторе*. Как справедливо отмечают ученые, экономика и социолингвистика развиваются изолированно (Gazzola, Wickström, 2016). Между тем, многие предметные области социолингвистики имеют явное экономическое измерение. Сильнее всего связана с экономикой языковая политика любого уровня – государственная, корпоративная, семейная, о чем будет сказано далее. Наука, изучающая связь лингвистики с экономикой, обозначается как *экономика языка* – *language economy* (Gazzola et al., 2015) или *language economics* (Breton, 1998). Экономика языка затрагивает широкий спектр экономических аспектов управления языковым разнообразием и функционирования языков в стране.

Теоретический анализ и обзор исследований связи многоязычия с экономикой будет представлен в разделе 2. Материалам, методам и обоснованию выбора региона в качестве административно-территориального объекта исследования посвящен раздел 3. При изучении экономической ценности (или ее отсутствия) владения миноритарным языком анализ экономической, денежной составляющей необходимо рассмотреть и с точки зрения юридических рамок, регулирующих многоязычие в РФ (раздел 4). Непосредственно вопрос о том, влияет или не влияет владение миноритарными языками в России на экономическое благополучие граждан (на их доход), будет рассмотрен в разделе 3 на примере Республики Татарстан (РТ). Отметим, что обширная тема влияния знания *иностранных языков* на экономическое благополучие людей намеренно останется за пределами нашего внимания,

определенные дивиденды в профессиональной деятельности, при трудоустройстве и т.д., однако для большинства людей это знание не монетизируется.

т.к. объектом нашего исследования являются не иностранные языки, а языки коренных народов РФ (на примере татарского языка).

Экономика языка и многоязычие: краткая история вопроса и основные направления исследований

Об экономической ценности многоязычия существует много исследований, в подавляющем большинстве за пределами российского ареала. *Экономика языка* как область исследований, изучающая отношения между экономическими и языковыми переменными, возникла в 1960-х годах и была разработана в основном в 1990-х годах. Большой вклад в разработку этой проблематики внесла Канада, в которой нынешнее официальное англо-французское двуязычие имеет долгую историю. Выработка языковой политики, которая удовлетворяла бы интересам и англофонов, и франкофонов, основывалась на большом количестве научных исследований по билингвизму, языковым конфликтам и другим социолингвистическим темам (Кожемякина, 2010), что создало идеальную интеллектуальную среду, благоприятствующую появлению и экономического анализа языковых проблем. Именно в Канаде постепенно появилась литература по языковой политике и взаимосвязи между языком и доходом. В частности, А. Бретон одним из первых применил экономический анализ к языковым явлениям (Breton, 1998; Zhang and Grenier, 2012).

В целом, экономика языка является обширной областью, имеющей ряд своих собственных направлений, которые ученые пытаются по-разному классифицировать. По *тематическому принципу* можно выделить исследования по таким темам, как язык и доход, языковая дискриминация в экономическом ракурсе - language disenfranchisement (Gazzola and Wickström, 2016; Zhang and Grenier, 2012), экономика и иностранные языки, владение языками мигрантами и доход и т.д. С одной

стороны, все эти направления связаны друг с другом и не имеют жестких границ. С другой стороны, хотя вопросы экономической ценности иностранных и миноритарных языков зачастую изучаются вместе, на наш взгляд, их необходимо различать. Владение иностранным языком в глобализованном мире является очевидным конкурентным преимуществом, значение которого будет только расти. Также необходимо выделить в отдельную категорию значимость (в том числе и экономическую) знания официального (государственного, доминирующего) языка страны иммигрантами.

Много эмпирических исследований *взаимосвязи между языком и заработками* было проведено в Канаде и США (Grenier, 1987; Grenier and Vaillancourt, 1983). Связь между языком и заработками/доходом – наиболее очевидный и логичный способ оценки экономической ценности языка. Он состоит в том, измерить различия в заработной плате между людьми, которые имеют равный профессиональный уровень (например, такой же стаж работы и т. д.), но разные языковые навыки. Если знание некоего языка действительно важно на рынке труда, то можно ожидать, что при прочих равных профессиональных характеристиках полиглот будет “вознагражден” большим доходом, чем одноязычный сотрудник. Взаимосвязь между лингвистическими навыками и трудовым доходом (а точнее, различиями в доходах) является одним из классических предметов в экономике языка и представляет собой большую часть литературы по экономике языка.

Важную роль в развитии этой дисциплины сыграла *теория человеческого капитала*, которую некоторые ученые считают концептуальной основой для большинства эмпирических работ как в области экономики языка, так и в отдельных сферах языковой политики (Breton, 1998: 36). Теория предполагает, что изучение (второго, иностранного) языка – это инвестиция, ценность и

полезный навык, так что можно просчитать затраты на него и выгоды, получаемые от владения языком/языками (Breton, 1998; Zhang and Grenier, 2012). Утверждается даже, что языки изучаются только ради их потенциальной экономической выгоды, а не по личным или культурным причинам (Breton, 1998: 48). Постулат о том, что язык (знание языка) в качестве человеческого капитала играет решающую роль в уровне доходов, был многократно подтвержден эмпирическим путем (Breton, 1998; Wickström, 2014; Ambrosch-Baroua et al., 2017). Особенно ярко связь между языком и доходом видна, если речь идет об иммигрантах и их владении языком принимающей страны (Chiswick and Miller, 2003).

Важно заметить, что языковые навыки приносят пользу не только отдельным людям, которые ими владеют. Исследования показали, что на совокупном уровне языки могут способствовать доходу страны, который измеряется через индекс ВВП (валовой внутренний продукт). Языковые навыки (например, знание второго или иностранного языков) являются важным элементом производственных процессов, а также ресурсом, используемым в бизнес-процессах (закупках, производстве и продаже). Например, Британским национальным языковым центром (The National Centre for Languages - CiLT) в 2005 году было проведено исследование о влиянии на экономику Евросоюза недостатка знания иностранных языков в компаниях (сокращенно – ELAN). Это исследование является первой систематической попыткой «квантифицировать» экономическую потребность в языковых знаниях для европейских компаний. В рамках данного исследования было опрошено в совокупности 2000 европейских компаний на предмет потребностей в языках и языковой практике на предприятиях. Одним из результатов исследования было то, что ориентация компании на экспорт и

производительность, с одной стороны, и инвестиции в языковые стратегии, с другой стороны, тесно связаны. Примерно одна десятая часть опрошенных компаний заявила, что не получила или потеряла контракт из-за отсутствия языковых навыков и в результате зафиксировала экономические потери. Поэтому в 40% европейских компаний принято нанимать сотрудников, обладающих знаниями в других, особенно европейских, языках. Однако теперь все чаще в центре внимания оказываются неевропейские языки, такие как арабский или китайский, которые одна из участвовавших в опросе компаний даже называет «языками будущего» (ELAN, 2006: 39). Основываясь на выводах опроса, исследование ELAN рекомендует (Там же: 58-59) компаниям в Европе систематически подходить к использованию имеющихся – часто в силу миграционного происхождения – языковых навыков сотрудников. Также рекомендуется, кроме того, внедрять специфические для данной компании способы поощрения необходимых языковых навыков.

При этом, как отмечают Gazzola и Wickström, удивительно, что исследования о языке и доходах редко упоминаются учеными в области языковой политики и планирования (Gazzola and Wickström, 2016: 12). Также на фоне достаточно большого количества работ, посвященных экономическому эффекту от знания иностранных языков, гораздо меньше работ, посвященных изучению связи экономики и миноритарных языков (Sperlich and Uriarte, 2015; Uriarte and Sperlich, 2016; Hefin et al., 2020).

Материалы, методы и объект исследования

Основным экономическим понятием, используемым в качестве независимой переменной, с которым могут соотноситься различные показатели языкового разнообразия, является *экономическое процветание*. Процветание (благосостояние, благополучие) – сложное явление, включающее в себя множество

факторов. Однако к нему можно подойти, используя некоторые количественные показатели, такие как:

- Валовой внутренний продукт (ВВП, при необходимости скорректированный с учетом численности населения),
- ВВП на душу населения,
- Паритет покупательной способности (ППС),
- заработная плата (средняя и/или медианная).

Иногда применяются дополнительные показатели благосостояния, которые являются косвенными индикаторами того, что обычно называется качеством жизни, включая:

- среднюю продолжительность жизни,
- детскую смертность,
- уровень грамотности,
- заместительные средства измерения (чистота воздуха, количество квадратных метров жилья или даже индекс биг мака) (Pawlowski, 2020).

В нашем исследовании используется подход, обозначаемый в современной науке как *этнография языковой политики* (далее – ЭЯП). Основная идея ЭЯП состоит в том, чтобы включить этнографическую составляющую в изучение процессов и контекстов языковой политики. Основным принципом ЭЯП является изучение «агентов, контекстов и процессов на нескольких уровнях создания, интерпретации и присвоения языковой политики» (Johnson, 2013: 44). Таким образом, основным достоинством ЭЯП является то, что она может снять противоречия между взглядом на ЯП как исключительно на действия властей (макроуровень) и учетом активного творчества отдельных говорящих (микроуровень). ЭЯП обладает и практическим потенциалом, т. к. критическое описание и анализ конкретной языковой политики, по сути, нацелены на расширение возможностей практиков на местах, чтобы добиться значимых социальных изменений и, возможно,

улучшить ситуацию с языковым неравенством (Johnson, 2009; McCarty, 2015).

Для целей этнографически-ориентированного исследования связи доходов и знания миноритарного языка наиболее адекватным индикатором является *уровень заработной платы*. Другие экономические показатели, например, ВВП по стране или по регионам или ВВП на душу населения, не дают никаких сведений о том, связан ли этот ВВП с владением языками. Посмотрим, например, на сведения об уровне заработной платы по регионам России, подготовленные агентством РИА Рейтинг³. Очевидно, что на уровень заработной платы влияют совершенно иные факторы, чем языковая компетенция жителей этих регионов. Согласно данным этого исследования за период с августа 2019 года по август 2020 года, в тройку лидеров по наиболее высоким зарплатам входят Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа и Москва. Высокие зарплаты в этих регионах никак не связаны с языковым разнообразием и вообще с языками, а обусловлены спецификой экономического устройства страны. В частности, в случае с Чукотским и Ямало-Ненецким автономными округами они обусловлены спецификой экономики региона, основанной главным образом на добыче углеводородов. И хотя приличную планку заработной платы в арктических регионах стараются держать и для работников социально востребованных профессий (учителей, врачей и т.д.), высокие цены на продукты питания существенно нивелируют их⁴.

Поэтому для этнографически-ориентированного исследования, где важен

³ Рейтинг российских регионов по уровню зарплат — 2020. 2020. URL: <https://ria.ru/20201123/zarplata-1585826589.html> (дата обращения: 26.10.2021).

⁴ Почему на Ямале высокая зарплата. 2018. URL: <https://rg.ru/2018/12/03/reg-urfo/pochemu-na-iamale-vysokaia-zarplata.html> (дата обращения: 26.10.2021).

микроуровень языковой политики, т.е. мнения и действия «обычных людей», наиболее достоверным источником является не официальная статистика, а сведения, полученные от самих людей.

Анализ взаимосвязи заработной платы (дохода) и владения миноритарными языками в России будет производиться на примере одного региона Российской Федерации – Республики Татарстан. Татарстан был выбран в качестве пилотного региона в силу ряда причин. Во-первых, это относительно благополучное положение татарского языка на фоне других титульных языков РФ. Во-вторых, именно в Татарстане был в 1992 году принят закон о надбавках (см. об этом в разделе 4). В-третьих, в целом Татарстан является регионом-донором, и на поддержку татарского языка выделяется немало средств, чего многие другие, дотационные регионы РФ себе позволить не могут⁵. Соответственно, если в Татарстане не будет выявлено положительное влияние владения миноритарного языка на доход жителей региона, то можно предположить, что в других регионах, еще менее благополучных и с экономической, и с социолингвистической точек зрения, вряд ли можно этого ожидать.

Полевое исследование в Республике Татарстан было проведено в октябре 2021 года сотрудниками Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН С. В. Кириленко и автором данной статьи.

⁵ К примеру, на 11 заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН А. В. Чемышевым озвучивалась цифра в 40 миллионов рублей, выделенных правительством Республики Татарстан НИИ прикладной семиотики при Академии наук РТ на разработку татарского-русского онлайн-переводчика TatSoft (Видеозапись 11-го заседания Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики. 2021. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/211022_daclp (дата обращения: 04.11.2021)).

Оно включало, помимо этнографического наблюдения, два основных метода: социолингвистический онлайн-опрос и интервьюирование (экспертные интервью). Экспертные интервью проводились среди следующих экспертных групп: 1) представители исполнительной власти; 2) работники СМИ; 3) представители академической науки; 4) преподаватели вузов; 5) представители творческой интеллигенции. В целом было взято 21 интервью. Длительность интервью была от получаса и более.

Генеральную совокупность для социолингвистического онлайн-опроса составила та категория населения, речевое поведение которой формирует настоящую и будущую языковую ситуацию в данном регионе, т.е. молодежь. Другим важным критерием при определении генеральной совокупности была национальность: нас больше интересовали мнения и установки представителей татарской национальности, т.к. именно от них в первую очередь зависит будущее татарского языка. Поэтому оптимальной стала целевая выборка, составленная из студентов разных высших учебных заведений г. Казани, преимущественно татарской национальности. Количество опрошенных составило 192 человека. Анализу подверглось только знание татарского языка; знание других миноритарных языков, бытующих в Татарстане, в нашем исследовании учитываться не будет.

Экономика языка и российское законодательство в сфере управления многоязычием

С юридической точки зрения законодательство Российской Федерации не предполагает доплат или иных способов поощрения владения гражданами языков коренных народов РФ. Можно было бы предположить, что федеративное устройство предполагает регулирование этого вопроса законами и иными юридическими документами регионального уровня, однако это не так. Даже если в региональных законах это

прописано, на деле это не выполняется (см. об этом далее).

Из законов разных уровней – республиканских, краевых, областных, городов федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь), автономной области (Еврейская автономная область) и автономных округов при наличии общих фраз о необходимости сохранения и поддержки местных языков финансовые, законодательно прописанные меры не упоминаются. Исключения из этого единичны. Таким исключением является, например, Закон Сахалинской области от 16 октября 2007 года N 91-ЗО «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Сахалинской области». В его статье 5 «Поощрение за изучение, исследование, преподавание и пропаганду языков коренных народов» говорится:

1. Педагогическим работникам, преподающим родные языки коренных народов в образовательных учреждениях, устанавливается доплата за счет средств областного бюджета в размере 15 процентов тарифной ставки (оклада) Единой тарифной сетки по оплате труда работников бюджетной сферы. Финансирование указанных расходов осуществляется в порядке, установленном законом Сахалинской области об областном бюджете Сахалинской области на очередной финансовый год.

2. Правительство Сахалинской области устанавливает меры и порядок дополнительного стимулирования лиц, деятельность которых направлена на изучение, исследование и пропаганду языков коренных народов⁶.

Тем не менее, как говорилось на 5-м заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН, где выступал ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный

⁶ Закон Сахалинской области от 16 октября 2007 года N 91-ЗО. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819021191> (дата обращения: 10.10.2021).

центр образовательного законодательства», кандидат юридических наук Д. В. Бондаренко и упоминался этот закон, эксперты говорили, что в реальности он не исполняется⁷.

Другое исключение – Закон Республики Татарстан от 08.07.1992 N 1560-ХП «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», который предусматривает дополнительную оплату за знание татарского. В документе указано, что «гражданам, в работе которых необходимо знание и практическое применение двух государственных языков Республики Татарстан, устанавливаются надбавки в размере до 15 процентов от должностного оклада. Условия и порядок установления указанных надбавок определяются Кабинетом Министров Республики Татарстан»⁸. На протяжении нескольких лет с 1996 года государственные служащие, которые знали и использовали татарский язык в своей работе, получали дополнительно 15% к своей зарплате. Затем, по словам очевидцев, доплату начали начислять и тем, кто не знал татарского, и в итоге программа была отменена⁹. По данным нашего полевого

⁷ Видеозапись 5-го заседания Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики. 2020. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/210217_dacpl_video (дата обращения: 11.10.2021).

⁸ Закон Республики Татарстан от 08.07.1992 N 1560-ХП «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» (Закон Республики Татарстан (в ред. Законов РТ от 28.07.2004 N 44-ЗРТ, от 03.12.2009 N 54-ЗРТ, от 3.03.2012 N 16-ЗРТ, от 12.06.2014 N 53-ЗРТ, с изм., внесенными Законом РТ от 27.04.2017 N 27-ЗРТ). URL: https://kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/zrt/lang.htm (дата обращения: 27.11.2021).

⁹ В Татарстане хотят вернуть доплаты работникам, использующим татарский язык. 2020. URL: <https://www.trtrussian.com/politika-rossiya/v-tatarstane-hotyat-vernut-doplatty-rabotnikam-ispolzuyushim-tatarskij-yazyk-3366843> (дата обращения: 30.10.2021).

исследования 2021 года, этой доплаты действительно сегодня не существует.

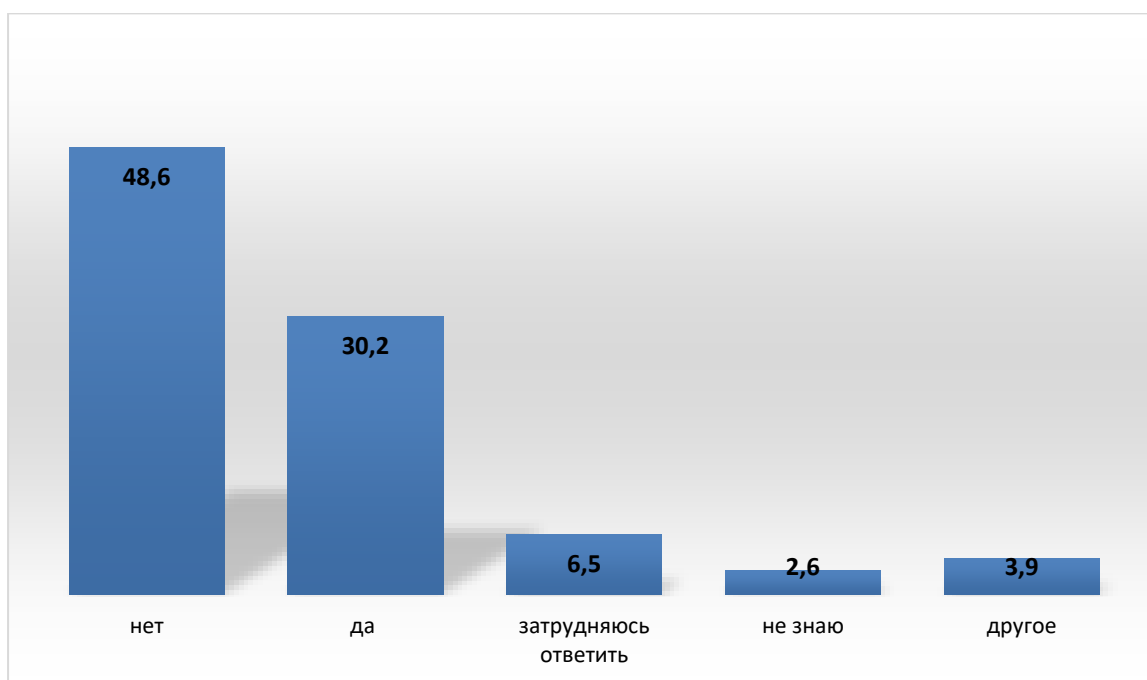
Таким образом, в подавляющем большинстве законодательства субъектов федерации разных уровней не предполагают какого-либо финансового поощрения владения языками народов РФ. Конечно, строго говоря, прописанного в законодательстве финансового поощрения за владение русским языком также нет, но очевидно, что, как и в Советском Союзе, вся система выстроена так, что не овладеть им невозможно, а хорошее владение является неотъемлемым условием не только для вертикальной и горизонтальной

мобильности, но и просто для существования любого члена российского общества.

Миноритарный язык и заработная плата (на материалах Республики Татарстан)

При социолингвистическом опросе из 192 респондентов 78 человек ответили на вопрос «По Вашим сведениям, влияет ли знание татарского языка на доход? Если да, как именно (пожалуйста, напишите)». За вычетом двух недействительных ответов мнения распределились следующим образом (см. рисунок).

Рисунок. Мнения респондентов о влиянии знания татарского языка на доход, %
Figure. Respondents' opinions on the impact of knowledge of the Tatar language on income, %

Как мы видим, большинство ответивших (48,6%, т.е. почти половина) ответили на этот вопрос отрицательно. Треть опрошенных, однако, считает, что знание татарского языка влияет на доход. Более интересными, однако, представляются комментарии по поводу того, как именно влияет или не влияет знание татарского языка на доход. Так, по мнению респондентов, знание татарского языка положительно влияет

на доход, если человек работает в научной сфере, в сфере культуры, в масс медиа. Как выразился один респондент, «если ты хорошо владеешь татарским языком, то ты легко можешь попасть на татарское телевидение, где будешь получать доход». Также знание татарского языка позволяет работать ведущим на мероприятиях (свадьбах,

корпоративах и т.д.)¹⁰ и «петь на татарском за деньги», что хорошо оплачивается. Отмечалось, что знание татарского языка представляет собой «лояльность к представителям своей нации», увеличивает возможность трудоустройства, расширяет круг потребителей. В целом «владение двумя и более языками помогает найти общий язык с другими людьми», предоставляет «больше возможностей».

Помимо положительного, было зафиксировано, по мнению респондентов, и отрицательное влияние на доход – это в случае, если человек работает учителем татарского языка. Приведем цитату: «В школах, скорее всего, да, влияет, т.к. у учителей татарского языка мало часов, тем самым они получают меньше, чем остальные». Многие участники интервью говорили о том, что после принятия Федерального закона от 3 августа 2018 года № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“» многие учителя татарского языка, особенно молодые, ввиду сокращения часов на преподавание татарского языка были вынуждены переквалифицироваться в учителей русского языка, истории и т.д. Сведения о сокращении часов, потере работы и переквалификации учителей татарского языка, полученные напрямую от информантов, подтверждаются сведениями, публикуемыми в СМИ.

О дискриминации, не столько по языковому, сколько по этническому (хотя эти, безусловно, взаимосвязанные параметры), свидетельствует ответ «татарам платят ниже». Этому субъективному мнению, в отличие от предыдущего (касательно более низких зарплаток учителей татарского языка), не нашлось подкрепления фактами или свидетельствами других участников полевого исследования.

¹⁰ Тут уместно вспомнить, что именно от Татарстана в популярной игре КВН участвовала команда «Сборная банкетных ведущих», игравшая в Высшей лиге и других чемпионатах КВН.

Таким образом, мы видим, что мнения участвовавших в опросе жителей РТ о влиянии знания татарского языка на доход разделились. Хотя большинство считает, что знание татарского языка не влияет на доход жителей региона ни в положительную, ни в отрицательную сторону, все же значительная часть (одна треть участников) придерживается противоположного мнения. Характер этого влияния, судя по ответам респондентов, имеет регионально-специфическую окраску, которая сама по себе связана с экономическим благосостоянием региона: развитостью системы татароязычных СМИ, художественной литературы, наличием сети научных учреждений с функционированием татарского языка, обилием культурных мероприятий на татарском языке, обычаем широко праздновать корпоративы, свадьбы и другие торжества на татарском и татарско-русском языках. Все это предоставляет довольно широкие возможности для трудоустройства, заработка и подработок для людей, владеющих татарским языком. Помимо регионально-специфических, участниками назывались и более общие причины влияния владения татарским языком на доход, такие, как экономическая ценность многоязычия вообще, т.к. оно расширяет возможности взаимопонимания. Участники интервью более подробно останавливались на этом аспекте, говоря о том, что знание татарского языка открывает широкие возможности общения с тюркоязычным миром как внутри России, так и вне ее. Приводились примеры, как это знание можно успешно использовать при покупке товаров, установлении деловых и личных контактов в Турции и других тюркоязычных регионах.

Негативная связь дохода и языковой компетенции в татарском языке связана с языковой политикой федерального уровня, а именно с доминированием русского языка во всех сферах общественной жизни и особенно – с принятием закона о добровольности изучения родных языков в

школе. Вследствие этого многие родители принимают решение в пользу русского языка, желая уменьшить учебную нагрузку своих детей, увеличить их шансы хорошо сдать ЕГЭ и, соответственно, обеспечить их дальнейшую успешную карьеру. Закон имел крайне негативные последствия для учителей татарского языка и для татароязычного образования в целом.

Заключение

В настоящей статье в первом приближении была рассмотрена взаимосвязь экономических факторов и многоязычия, малоизученная в российском контексте. Теоретический анализ работ в этой области на примере разных стран показал, что знание иностранных и вторых языков является хорошей инвестицией для человека, при этом экономическая ценность языков зависит от региона, отрасли экономики и других параметров. Например, в Европе ценится знание других европейских языков, в глобальном масштабе растет коммодификационная ценность китайского и арабского языков.

В отличие от иностранных языков, миноритарные языки по-прежнему имеют низкую экономическую ценность в качестве формы человеческого капитала на иерархическом лингвистическом рынке. Существующие исследования связи экономики и многоязычия свидетельствуют о том, что многоязычие в первую очередь сопряжено с издержками. Согласно данным Совета Европы по состоянию на 28 апреля 2020 года, каждая из 25 стран, ратифицировавших Европейскую Хартию региональных или миноритарных языков, имеет от 1 до 20 региональных языков или языков меньшинств; самой многоязычной страной с 20 языками является Румыния¹¹. Ни одна из них не сопоставима по уровню многоязычия с Россией, где, по

¹¹ Государства-Стороны в Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств и их региональные языки или языки меньшинств – на русском языке. 2020. URL: [16809e5320 \(coe.int\)](http://16809e5320.coe.int) (дата обращения: 16.05.2022).

предварительным подсчетам Института языкознания РАН (версия 2022 года), есть 159 языков¹², из чего следует, что и уровень затрат на ратификацию и последующую имплементацию Хартии в России будет на порядок выше, чем в любой другой стране.

Эмпирический анализ взаимосвязи между миноритарным языком и заработной платой на примере Республики Татарстан выявил как общие для всей страны, так и регионально-специфические черты. Общим является доминирование русского языка во всех сферах общественной жизни и национально-языковая политика федерального центра. Эта политика проявляется в первую очередь в том, что законодательство Российской Федерации не предполагает доплат или иных способов поощрения владения гражданами языками коренных народов РФ. Следуя этому вектору, законы субъектов федерации разных уровней также не предполагают какого-либо финансового поощрения за владение данными языками. При этом есть по крайней мере один федеральный закон, который имел явный негативный экономический эффект – это Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“». Добровольность выбора родных и государственных языков негативно сказалась на татароязычном образовании и количестве учителей татарского языка, что повлияло и на доходы работающих в этой сфере людей.

При этом наше исследование показало, что положительная взаимосвязь миноритарного языка и дохода также имеется. Знание татарского языка приносит как непосредственные, так и опосредованные дивиденды, от установления деловых и личных контактов с тюркоязычным миром до возможностей

¹² Список языков России (v2022). 2022. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (дата обращения: 10.02.2022).

трудоустройства и подработок в сферах, где необходимо владение татарским языком.

Подводя итог, скажем, что постепенный уход из коммуникативной сферы, низкий престиж и трудности сохранения миноритарных языков России связаны с тем, что аргументация культурного плана, перечисленная во Введении, входит в противоречие с экономической, прагматичной аргументацией (soft arguments vs. hard arguments). С одной стороны, языки важны для идентичности, как компонент культуры и т.д., но с другой стороны, как ответило большинство опрошенных в Татарстане, знание миноритарного языка (в данном случае татарского) не влияет на доход. Важность денежной составляющей в принимаемых людьми языковых решениях позволяет сделать скорее пессимистичный прогноз относительно будущего миноритарных языков.

Список литературы

- Кожемякина В. А. Многоязычная Канада: социолингвистический портрет // Вопросы филологии. 2010. № 2 (35). С. 23-31.
- Breton A. (ed.). *New Canadian Perspectives: Economic Approaches to Language and to Bilingualism*. Canadian Heritage, Ottawa – Ontario, Canada, 1998. 261 p.
- Chiswick B., Miller P. The Complementarity of Language and Other Human Capital: Immigrant Earnings in Canada // *Economics of Education Review*. 2003. 22 (5). Pp. 469-480.
- Gazzola M., Wickström B.-A. Introduction // *The economics of language policy* / Eds. M. Gazzola, B.-A. Wickström. Cambridge: MIT Press, 2016. Pp. 1–18.
- Grenier G. Earnings by Language Group in Quebec in 1980 and Emigration From Quebec Between 1976 and 1981 // *Canadian Journal of Economics*. 1987. 20. Pp. 774-791.
- Grenier G., Vaillancourt, F. An Economic Perspective on Learning a Second Language // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1983. 4 (6). Pp. 471-483.
- Hefin T., Brett D., Glover A., Eluned G. *The Welsh language and the economy: a review of evidence and methods*. Cardiff: Welsh Government, GSR report number 10/2020. 2020. URL: <https://gov.wales/welsh-language-and-economy> (accessed: 02.11.2021).
- Johnson D. *Language policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 291 p.
- Johnson D. *Ethnography of language policy* // *Language Policy*. 2009. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 139–159.
- May S. *Language and Minority Rights. Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. Harlow: Pearson Education, 2001. 384 p.
- McCarty T. *Ethnography in language planning and policy research* // *Research methods in language policy and planning: A practical guide* / Eds. F. Hult, D. Johnson. Oxford: Wiley Blackwell, 2015. Pp. 81–93.
- Pawlowski A. Does multilingualism pay off? Reflections on the economics of language // *Language and Economy: Language industries in a Multilingual Europe. Contributions to the EFNIL Conference 2019 in Tallinn* / Eds. T. Tender, L. M. Eichinger. Budapest: Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, 2020. Pp. 111-120.
- Sperlich S., Uriarte J.-R. *Economics and (Minority) Language: Why is it so hard to save a threatened language?* 2015. URL: <https://www.parisschoolofeconomics.eu/IMG/pdf/economiclanguage240515.pdf> (accessed: 02.11.2021).
- Uriarte J. R., Sperlich S. *Economic Theory and Minority Language* // *The Economics of language policy*. 2016. URL: <https://archive-ouverte.unige.ch/unige:124680> (accessed: 02.11.2021) <http://dx.doi.org/10.7551/mitpress/9780262034708.003.0007>.
- Zhang W., Grenier G. How can language be linked to economics? A survey of two strands of research // *Language Problems and Language Planning*. 2012. Vol. 37. Iss. 3. Pp. 203-226.
- Ambrosch-Baroua T., Kropp A., Müller-Lancé J. (Hg.). *Mehrsprachigkeit und Ökonomie*. München: Open Publishing LMU, 2017. 223 p.
- ELAN: Auswirkungen mangelnder Fremdsprachenkenntnisse in den Unternehmen auf die europäische Wirtschaft. December 2006. URL: https://ec.europa.eu/assets/eac/languages/policy/strategic-framework/documents/elan_de.pdf (accessed: 01.11.2021).

Wickström B.-A. Nachhaltiges Überleben von Minderheitensprachen: eine Übersicht einiger Modelle // *Dogma und Evolution: Beiträge zum 60. Geburtstag von Dietmar Meyer*. Herausgegeben von Jörg Dötsch. Marburg: Metropolis-Verlag. 2014. Pp. 101–126.

Gazzola M. Il Valore Economico Delle Lingue (The Economic Value of Languages). 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2691086> (accessed: 02.12.2021). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2691086>

References

Kozhemyakina, V. A. (2010). Mnogoyazychnaya Kanada: sotsiolingvisticheskiy portret [Multilingual Canada: a sociolinguistic portrait], *Voprosy filologii*, 2 (35), 23-31. (In Russian)

Breton, A. (ed.) (1998). *New Canadian Perspectives: Economic Approaches to Language and to Bilingualism*, Canadian Heritage, Ottawa – Ontario, Canada. (In English)

Chiswick, B. and Miller, P. (2003). The Complementarity of Language and Other Human Capital: Immigrant Earnings in Canada, *Economics of Education Review*, 22 (5), 469-480. (In English)

Gazzola, M. and Wickström, B.-A. (2016). Introduction, in Gazzola, M. and Wickström, B.-A. (eds.), *The economics of language policy*, MIT Press, Cambridge, UK, 1–18. (In English)

Grenier, G. and Vaillancourt, F. (1983). An Economic Perspective on Learning a Second Language, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 4 (6), 471-483. (In English)

Grenier, G. (1987). Earnings by Language Group in Quebec in 1980 and Emigration From Quebec Between 1976 and 1981, *Canadian Journal of Economics*, 20, 774-791. (In English)

Hefin, T., Brett, D., Glover, A. and Eluned, G. (2020). *The Welsh language and the economy: a review of evidence and methods*, Cardiff: Welsh Government, GSR report number 10/2020, available at: <https://gov.wales/welsh-language-and-economy> (Accessed 2 November 2021). (In English)

Johnson, D. (2009). Ethnography of language policy, *Language Policy*, 8 (2), 139–159. (In English)

Johnson, D. (2013). *Language policy*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK. <https://doi.org/10.1057/9781137316202> (In English)

May, S. (2001). *Language and Minority Rights. Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*, Pearson Education, Harlow, UK. (In English)

McCarty, T. (2015). Ethnography in language planning and policy research, in Hult, F. and Johnson, D. (eds.), *Research methods in language policy and planning: A practical guide*, Wiley Blackwell, Oxford, UK, 81–93. (In English)

Pawlowski, A. (2020). Does multilingualism pay off? Reflections on the economics of language, in Tender, T. and Eichinger, L. M. (eds.), *Language and Economy: Language industries in a Multilingual Europe. Contributions to the EFNIL Conference 2019 in Tallinn*, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary, 111-120. (In English)

Sperlich, S. and Uriarte, J.-R. (2015). Economics and (Minority) Language: Why is it so hard to save a threatened language? Available at: <https://www.parisschoolofeconomics.eu/IMG/pdf/economicslanguage240515.pdf> (Accessed 2 November 2021). (In English)

Uriarte, J.-R. and Sperlich, S. (2016). Economic Theory and Minority Language, *The Economics of language policy*, available at: <https://archive-ouverte.unige.ch/unige:124680> (Accessed 2 November 2021). <http://dx.doi.org/10.7551/mitpress/9780262034708.003.0007> (In English)

Zhang, W. and Grenier, G. (2012). How can Language be linked to Economics? A Survey of Two Strands of Research, *Language Problems and Language Planning*, 37, 203-226. (In English)

Ambrosch-Baroua, T., Kropp, A. and Müller-Lancé, J. (Hg) (2017). *Mehrsprachigkeit und Ökonomie*, Open Publishing LMU, München, Germany. (In German)

ELAN: *Auswirkungen mangelnder Fremdsprachenkenntnisse in den Unternehmen auf die europäische Wirtschaft*. December 2006, available at: https://ec.europa.eu/assets/eac/languages/policy/strategic-framework/documents/elan_de.pdf (Accessed 1 November 2021). (In German)

Wickström, B.-A. (2014). Nachhaltiges Überleben von Minderheitensprachen: eine Übersicht einiger Modelle, in Dötsch, J. (Hg.), *Dogma und Evolution: Beiträge zum 60.*

Geburtstag von Dietmar Meyer, Metropolis-Verlag, Marburg, Germany, 101–126. (In German)
Gazzola, M. (2015). *Il Valore Economico Delle Lingue (The Economic Value of Languages)*, available at: <https://ssrn.com/abstract=2691086> (Accessed 2 December 2021).
<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2691086> (In Italian)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Эржен Владимировна Хилханова, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания Российской академии наук, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям.

Erzhen V. Khilkhanova, Leading Researcher, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Research Center on Ethnic and Language Relations.